

Словарь нигилиста

Джон Зерзан

1994

Оглавление

1. ПРИЯТНИЗМ	3
2. ТЕХНОЛОГИЯ	5
3. КУЛЬТУРА	7
4. ДИКИЙ	9
5. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА	11
6. ПРОГРЕСС	14
7. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. ИСКУССТВЕННАЯ ЖИЗНЬ	16
8. СООБЩЕСТВО	18
9. ОБЩЕСТВО	20

1. ПРИЯТНИЗМ

При-ят-низм, м. Стремление, более или менее внушенное обществом, в первую очередь обращать внимание на то, дружелюбно ли настроены другие люди по отношению к нам; тирания внешнего приличия, которая не позволяет человеку думать и действовать независимо; способ общения, основанный на вышеуказанном отсутствии критической оценки и самостоятельности.

Все мы предпочитаем общаться с людьми дружелюбными, искренними, милыми — приятными. Но в изнищавшем мире, охваченном реальным, всепрони-кающим кризисом, который заставляет нас подвергать радикальной переоценке все существующие явления, приятное может оказаться притворным.

Лицо принуждения часто бывает улыбчивым, культурным. На ум приходит Освенцим, управляемый любителями Гете и Моцарта. Точно так же люди, сделав-шие ядерную бомбу, совсем не были похожи на монстров — это были приятные либераль-ные интеллектуалы. То же самое и в отношении тех, кто компь-ютеризирует жизнь, и тех, кто каким-либо другим способом поддерживает этот гниlostный режим. А его главная опора — именно любезный деловой человек (неважно — владелец бизнеса или наемный клерк), скрывающий за своей улыбкой истинный кошмар жестокого существования от-работы-до-магазина.

Случаи приятнизма можно встретить среди пацифистов, которые, благодаря сво-ей этике любезности, оказываются — раз за разом, снова и снова — в дурац-ком, ритуально-безвыигрышном положении; также среди активистов движения «Зем-ля прежде всего!», которые не осмеливаются бросить вызов совершенно позорной идеологии, лежащей в основе «их» организации; и в «Пятом Сословии», чья в высшей степени позитивная работа сейчас оказалась под угрозой срыва из-за либеральных настроений.

Все движения «с одной идеей», от экологизма до феминизма, и вся их воинствен-ность — это всего лишь способ избежать необходимости качественного разрыва с чем-то более глобальным, чем просто эксцессы системы.

Приятное выступает в качестве идеального врага тактического и аналитического мышления: будь покладистым, не допускай, чтобы твои радикальные идеи откла-дывали отпечаток на поведении. Смирись с пред-писанными методами и теми рамками, в которых держит нас ежедневный гнет. Укоренившееся чувство почтения, натренированная восприимчивость к призыву «играть по правилам» — по правилам властей — вот настоящая «пятая колонна», та, что внутри.

В контексте искалеченной социальной жизни, требующей как минимум коренного преобразования для восстановления здоровья, приятнизм становится все более и более инфантильным, конформистским и опасным. Он не дарит нам радость, но затягивает в еще большую рутину и изоляцию. Счастье аутентичности может существовать только вопреки обществу. Приятнизм держит всех нас на своих местах,

беспорядочно воспроизводя все то, к чему мы предположительно питаем отвращение. Давайте перестанем быть приятными по отношению ко всему этому кошмару и всем тем, кто держит нас в нем.

2. ТЕХНОЛОГИЯ

Тех-но-ло-ги-я, ж. Согласно словарю Уэбстера: промышленная или прикладная наука. В действительности: сочетание разделения труда, производства, индустриализма и его влияния на нас и природу. Технология — это совокупность посредников между нами и естественной средой, а также совокупность тех разделителей, которые изолируют нас друг от друга. Монотонная работа и яд, необходимый для производства и воспроизводства фазы гиперотчуждения, в которой мы влачим свое жалкое существование. Это форма и плоть принуждения на любой данной ступени иерархии и стадии коммодификации.

Те, кто продолжают утверждать, что технология «нейтральна», что она является «всего лишь орудием», еще не поняли, что, собственно, происходит. За последние десятилетия Юнгер, Адорно, Хоркхаймер, Эллул и некоторые другие — не говоря уже об ужасающих, очевидных свидетельствах со стороны самой технологии, собирающей свою жатву и в глобальном, и в частном масштабе — привели нас к более глубокому пониманию данного вопроса. 35 лет назад уважаемый философ Ясперс писал: «Технология — это только лишь средство, которое по сути своей не является ни хорошим, ни плохим. Все зависит от того, для чего человек ее использует, для достижения каких целей она ему необходима, в какие условия он ее помещает». Подобная поверхностная вера в специализацию и технический прогресс выглядит чем дальше, тем все более нелепо.

Бесконечно ближе к истине оказался Маркузе, предположивший в 1964 году, что «сама концепция технического разума является, скорей всего, идеологической. Не только применение технологии, но и сама технология представляет собой принуждение... методичный, научный, преднамеренный и расчетливый контроль». Сегодня мы ощущаем этот контроль как неуклонное ослабление наших связей с живой средой, а также как опустошенность информационной эпохи, истощенной компьютеризацией п.отравленной мертвым, одомашнивающим империализмом «хай-тековского» подхода. Никогда раньше люди не были настолько инфантильны, настолько зависимы от машин практически во всем. Под влиянием технологии Земля с огромной скоростью приближается к своей гибели, а наши души тем временем сжимаются и сдавливаются под ее всепроникающим гнетом. Только уничтожив огромное разделение труда, лежащее в основе технологического прогресса, мы сможем вернуть чувство целостности и свободы. Это и есть проект освобождения, во всей его полноте.

Естественно, в популярной литературе критическое понимание того, чем на самом деле является технология, пока что никак не отражено. Некоторые работы полностью одобряют направление, в котором мы движемся, например, «Машины, которые мыслят» Маккордака, «Живые компьютеры?» Саймонсов — вот лишь две книги из числа наиболее ужасающих. В других книгах, даже самых недавних, мы встречаем суждения, которые, по всей видимости, бросают вызов технологической пропаганде,

но терпят сокрушительное поражение, когда дело доходит до выводов. Под редакцией Мерфи, Микунаса и Пилотта вышла книга «Оборотная сторона Хай-Тека: технология и деформация человеческой эмоциональности», беспощадность названия которой полностью стерта концовкой — где сказано, что технология станет человеческой, как только мы поменяем свое отношение к ней. Такая же ситуация с «Высокой ценой Хай-Тека» Сигеля и Маркоффа — после нескольких глав, детально описывающих различные уровни технологического истощения, мы снова узнаем, что это всего лишь вопрос отношения: «Наше общество должно осознать всю мощь высоких технологий, и тем самым позволить превратить их в средство для повышения уровня комфорта человека, его свободы и покоя». Подобную трусость и/или не-искренность только отчасти можно объяснить тем, что крупные издательские корпорации не желают пропагандировать фундаментально радикальные идеи.

Вышеописанная тактика побега в идеализм не нова. Мартин Хайдеггер, которого некоторые считают наиболее оригинальным и глубоким мыслителем XX столетия, видел, как индивид превращается в не более чем сырье для безграничной экспансии промышленной технологии. Трудно поверить, но как решение проблемы Хайдеггер предложил увидеть главную «точку соприкосновения глобальной технологии и современного человечества» в нацистском движении. К сожалению, за риторикой национал-социализма скрывалось лишь усовершенствование технических приемов, вплоть до геноцида как способа промышленного производства. Для нацистов, а также для по-веривших им вопрос был — снова — в том, как воспринимать технологию «в идеале», не такой, какая она есть на самом деле. В 1940 году главный инспектор дорожных сетей Германии сказал: «Цемент и камень — вещи материальные. Человек одухотворяет их и придает им форму. Национал-социалистические технологии вкладывают идеальное содержание во все достижения материального мира».

Эксцентричный пример Хайдеггера должен напомнить, что все благие намерения могут привести совсем не туда — если не решиться рассмотреть технологию и ее системную сущность как часть практической социальной действительности. Хайдеггер испугался политических последствий критического взгляда на технологию; в результате его аполитические теории, хотел он того или нет, стали частью самого чудовищного порождения современности.

Активисты движения «Земля прежде всего!» выдвигают природу на первое место, ставят ее превыше всякой мелкой «политики». Но вполне может быть, что за самодовольной маскулинностью Дейва Формена (и теоретиками «глубинной экологии», предостерегающими от радикализма) стоит та же самая хайдеггеровская нерешительность — и последствия вполне могут оказаться весьма схожими.

3. КУЛЬТУРА

Культура, ж. Обычно истолковывается как совокупность обычаев, идей, искусств, моделей поведения и т.д. определенного общества. Часто как синоним употребляют слово «цивилизация», напоминая о том, что культивация — то есть одомашнивание — также входит в объем смыслового значения слова. Ситуационисты в 1960 году говорили: «Культуру можно определить как сочетание способов, посредством которых общество думает о себе и являет себе самое себя». Барт подошел еще ближе к истине, отметив, что культура — это «механизм демонстрации желания. Желание, всегда желание, но никогда — понимание».

Кажется, когда-то культура пользовалась большим уважением; это было что-то, чему надо соответствовать. Но сейчас заботит не то, почему мы оказались недостойны культуры — важно, почему это она нас подвела. Совершенно определено что-то мешает нам, не отвечает нашим желаниям; и это все очевиднее по мере того, как умирает природа — и вокруг, и внутри нас. Культура, противоположность природе, становится противоречивой, угрюмой, выцветшей; мы задыхаемся в сужающемся воздушном пространстве символической деятельности. Высокая культура или же низкая, дворец или же амбар — все это одна и та же тюрьма сознания; символическое есть репрессивное.

Культура неотделима от возникновения и развития отчуждения, она всегда существует только как компенсация, подмена настоящего его видимым воплощением. Культура воплощает в себе разрыв между целостностью и частями целого, превращающимися в принуждение. Время, язык, число, искусство — все это навязано культурой и давит нас, получив собственную, независимую от нас жизнь.

Газеты и журналы переполнены стенаниями по поводу масштабов культурной неграмотности и исторической амнезии — два состояния, которые подчеркивают общее нездоровье общества. В современную эпоху постмодерна настроения моды колеблются в диапазоне от пустого до зловещего, а в это же время уровень самоубийств, употребления тяжелых наркотиков и эмоциональных расстройств продолжает расти. Около года назад я ехал из Беркли в Орегон вместе со студенткой последнего курса университета и по пути, после того, как мы поговорили, в частности о 60-х годах, я попросил ее описать собственное поколение. Типичными элементами описания оказались секс без любви, растущее употребление героина и «чувство безысходности, скрытое под маской потребительства».

А тем временем продолжается массивное отрицание. В недавнем сборнике эссе о культуре Д.Д. Энрайт глубокомысленно учит, что «чем чаще личное бедствие и недовольство предаются огласке, тем сильнее все эти проблемы сжимают петлю вокруг нас». С тех пор, как для того, чтобы спастись от тоски, впервые начали применять формы и выразительные средства культуры в рамках символического подхода к аутентичности, ситуация никогда еще не была столь очевидно безвыходной. Еще

одна работа, в которой очевидно полное непонимание фундаментальной пустоты культуры — это книга Роберта Харбисона «Намеренная регрессия»: «Невероятно странно, каким именно образом практически во всех сферах мысли возникло такое воодушевление в отношении примитивизма, а также вера в то, что спасения можно достигнуть, забыв выученное».

Естественно, опустошение очевидно всем. Везде, от постмодернистской мешанины выдохшегося искусства до постструктуралистских технократов вроде Ли-отара, который в базах данных находит «Энциклопедию завтрашнего дня...», «природную среду» человека постмодерна» — включая такие абсолютно беспомощные формы «оппозиции», как «микрופолитика» и «шизополитика», — мы не видим почти ничего, кроме очевидных симптомов общего распада и безысходности. Петер Слотердейк («Критика циничного разума») указывает на то, что цинизм является кардинальным, всепроникающим мировоззрением, и это самое лучшее, что стратегия отрицания может нам предложить на данный момент.

Однако миф о культуре будет жить до тех пор, пока наше обнищание не вынудит нас увидеть и оспорить его, а цинизм будет оставаться среди нас, пока мы позволяем культуре занимать место непосредственного существования.

4. ДИКИЙ

Ди-кий, о-ди-чав-ший, прил. Неприрученный или находящийся в природном состоянии как, например, животные или же растения, находящиеся в свободном состоянии; возвратившийся из одомашненного состояния в дикое.

Мы живем в мире отсутствия, в котором подлинная жизнь методично выхолащивается унижительной работой, бессмысленным циклическим потреблением и опосредованным вакуумом зависимости от высоких технологий. Сегодня уже не только стереотипный трудоголик-яппи пытается обмануть отчаянье, уйдя в работу, и предпочитает не задумываться о своей судьбе — не менее бесплодной, чем судьба планеты и (одомашненной) личности в целом. И все равно, прямо перед глазами — разорение природы и разорение нашей собственной сущности, невероятная, чудовищная бессмысленность и фальшь, горы лжи. Подавляющее большинство людей в любом случае обречено на отра-вляющую рутину, и нищета — в смысле скорее абсолютном, чем сугубо финансовый — делает всемирную Мертвую Зону все более безжизненной. Компьютеризация делает человека «сильнее»? Да нет, инфантильнее. Информационная эпоха характеризуется большими возможностями для общения? Нет; ведь чтобы общаться, нужно иметь что сообщить. Мы живем во времена беспрецедентного уважения к личности? Перевод: системе рабства-по-найму, для того, чтобы временно побороть продолжающееся критическое падение производительности труда, понадобилось научить работающих самоуправлению на рабочем месте, а маркетинговые исследования, чтобы максимизировать потребление, должны всегда быть нацелены на все «стили жизни».

В обществе, поставленном с ног на голову, решение проблемы массового, порожденного отчуждением употребления наркотиков — масс-медийная бом-бардировка (с такими же жалкими результатами, как сотни миллионов долларов, без толку потраченные на борьбу с неявкой на выборы). В это время телевидение — голос и душа современного мира — занято бесплодными мечтаниями о том, чтобы остановить рост безграмотности и сохранить то, что осталось от эмоционального здоровья при помощи пропагандистских роликов, длящихся тридцать и менее секунд. В условиях индустриализированной культуры, подверженной необратимой депрессии, изоляции и цинизму, первой умрет душа, затем последует смерть планеты. Если только мы не уничтожим этот гнилостный режим, все его категории и движущие силы.

Между тем колонна частных (а, следовательно, ложных) оппозиционных идей марширует в привычном ритме. «Зеленые» и им подобные пытаются продлить жизнь мошенничеству, известному как «электорализм» — вранью о том, что один человек может быть представителем другого. Вместо того, чтобы заниматься реальными вещами, эти люди просто хотят создать еще одну уютную протестную нишу. «Движение» в защиту мира каждым своим (неизменно жалким) действием показывает, что оно лучший друг властей, собственности и пассивности. Вот только один пример:

в мае 1989 года по случаю двадцатой годовщины боев в Народном парке Беркли тысяча человек подняла замечательный мятеж, в результате которого было ограблено 28 бизнесменов и побито 15 копов, а Джулия Телли, спикер нытиков за мир, заявила: «Подобным бунтам не место в движении сторонников мира». Это напоминает фатально заблуждавшихся студентов на площади Тяньаньмынь, которые, когда уже началась резня 3 июня, убеждали рабочих не воевать с правительственными войсками. На самом деле, это общий факт: университеты — первейший источник того медленного удушения, которое зовут реформами, отказа от качественного разрыва с деградацией. Движение «Земля прежде всего!» признает, что одомашнивание является фундаментальной проблемой (например, что агрикультура вредна по своей природе), но многие их приверженцы не могут осознать то, что и наш вид тоже мог бы стать диким. Радикальные экологи понимают, что превращение национальных парков в лесофермы — это всего лишь часть глобального проекта, который нацелен и на них самих. Однако им следовало бы искать дикость повсюду, не только в обособленных заповедниках.

Фрейд понимал, что цивилизация не может существовать без насильственного отречения от инстинктов, без фундаментального принуждения. Но поскольку массы в большинстве своем «ленивы и неумны», то, считал он, цивилизация оправдана. Такого рода рецепты основываются на идее о том, что до-цивилизационная жизнь была полна жестокости и лишений.

Однако, чудесным образом, за последние двадцать лет это мнение изменилось на прямо противоположное. Другими словами, до возникновения агрикультуры человек жил в состоянии благодати, покоя и общности с природой, о которых сегодня мы можем только догадываться.

Всплывающая перед глазами перспектива аутентичности — это ни что иное, как полный распад цивилизационного здания репрессии, которую Фрейд, кстати, описывал как «нечто навязанное большинству меньшинством, которое понимало, каким образом достичь рычагов власти и принуждения». Мы можем или дальше пассивно идти по пути абсолютного одомашнивания и разрушения или же повернуть к радостным потрясениям, страстному и дикому принятию необузданности и жизни, танцам на обломках часов, компьютеров и того, что называется работой, а на самом деле представляет собой коллапс воображения и воли. Можем ли мы оправдать собственную жизнь чем-либо меньшим, чем подобная политика ярости и мечты?

5. РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Раз-де-ле-ни-е тру-да. 1. Распределение на отдельные, обособленные задания с целью достижения максимальной эффективности, приводящее к механической работе; базовая составная часть производства. 2. Сокращение или расщепление человеческой деятельности на отдельные фрагменты тяжелого труда, что на практике создает отчуждение; первичная специализация, которая создает предпосылки к возникновению и развитию цивилизации.

Относительная целостность до-цивилизованного существования — это прежде всего отсутствие сужающего, ограничивающего разделения человеческой деятельности на дифференцированные функции и обязанности. Основа сокращения нашего непосредственного опыта и беспомощности перед лицом за-силья экспертов, которое сегодня так остро ощутимо, — разделение труда. Вряд ли случайно, что ключевые идеологи цивилизации так яростно его восхваляли. Например, в «Республике» Платона нас учат, что источник государства — «естественное» человеческое неравенство, воплощаемое в разделении труда. Дюркгейм приветствовал фракционированный, неравноправный мир, поскольку различил, что краеугольный камень «общественной солидарности», ее главная моральная ценность это — ну, вы поняли что. Еще до него, согласно Францу Боркенау, именно заметно возросшее в районе 1600 года разделение труда привело к появлению такой абстрактной категории, как работа — которая, в свою очередь, лежит в основе всего современного картезианского представления о том, что наше телесное существование это всего лишь объект для нашего (абстрактного) сознания.

В первом предложении «Богатства наций» (1776) Адам Смит предвосхитил самую суть индустриализма, определив, что разделение труда влечет качественное увеличение производительности. Двадцать лет спустя Шиллер осознал, что разделение труда порождает общество, члены которого не способны развивать собственные человеческие качества. Маркс видел обе стороны медали: «в результате разделения труда» рабочий «нивелируется до статуса механизма». Но решающим для Маркса было его благоговение перед целостностью производства, которую он считал необходимой для освобождения человека, а обнищание человечества, происходящее параллельно с процессом развития капитала, он считал необходимым злом.

Марксизм не может избавиться от определяющего влияния этого выбора в пользу разделения труда. Основные его представители, без сомнения, разделяют его, что отражается в их трудах. Например, Лукач предпочитает разделение труда не замечать, и в своем анализе проблемы пролетарского сознания рассматривает исключительно «овеществляющее воздействие доминирующей формы товара». Е.П. Томпсон понимал, что с возникновением фабричной системы «структура личности мятежного доиндустриального труженика или ремесленника была насильственным образом преобразована, и появился покорный работающий индивид». Однако и

Томпсон уделил поразительно мало внимания разделению труда — тому главному механизму, с помощью которого было осуществлено данное преобразование. Маркузе попытался представить себе «цивилизацию без подавления», по ходу дела обильно продемонстрировав несовместимость двух частей формулы. Склонившись перед «естественностью», присущей разделению труда, он пришел к выводу, что от него зависит «разумное применение власти» и «достижение целостности», хотя буквально через несколько страниц (в «Эросе и цивилизации») он допускает, что человеческий «труд становится тем более отчужденным, чем более специализированным становится разделение труда».

Эллул понимал, что «острый нож специализации подобно бритве врезается в живую плоть», что разделение труда заставляет не замечать «ограниченное пространство», отрезающее человека от других людей, а также и от природы. Хоркхаймер похожим образом подвел итог размышлений о проблеме истощения: «Таким образом, несмотря на всю свою активность, люди становятся более пассивными; несмотря на всю свою власть над природой, они становятся более беспомощными по отношению к обществу и самим себе». Фуко, в том же ключе, подчеркивал, что производительность — основополагающее насилие современности.

Однако сегодняшняя марксистская доктрина все еще остается в ловушке необходимости, в конечном итоге, принять разделение труда, поскольку оно необходимо для технологического прогресса. Брейвермен в своей во многих отношениях превосходной книге «Труд и монопольный капитал» исследует вопрос деградации работы, но рассматривает его в основном как проблему утери «воли и желания вырвать контроль над производством из рук капиталистов». А работа «Психологические последствия естественного и отчужденного труда» Швабба посвящена прекращению какого-либо принуждения в производстве, и в ней разрабатывается стратегия самоуправления производством. Причина, по которой Швабб игнорирует разделение труда, очевидна: оно внутренне присуще производству, а он не понимает, что говорить об освобождении и производстве одновременно — это абсурд.

Конечной целью разделения труда всегда была принудительная работа сменной шестеренки в высшей степени автономном, невосприимчивом к желаниям устройстве. Варварство современности — это по-прежнему рабская зависимость от технологии, то есть от разделения труда. «Процесс специализации, — писал Гидеон, — идет без передышки», и сегодня, как никогда, мы видим и чувствуем тот бесплодный, десексуализированный мир, в который он нас завел. Робинсон Джефферс пришел к следующему заключению: «Не думаю, что индустриальная цивилизация стоит извращения человеческой природы, а также того убожества и потери контакта с Землей, которые она влечет за собой».

Между тем, чтобы удерживать нас под ярмом разделения труда, необходимо поддерживать миф о «нейтральности» и «неизбежности» технологического развития. Те, кто критикует принуждение, но при этом защищают его главный принцип, делают наш плен вечным. Взять, к примеру, Гваттари, этого радикального постструктуралиста, который считал, что мечтать и желать можно «даже в обществе с высокоразвитой промышленностью, высокоразвитой средствами массовой информации и т.д.». Наш прогрессивный французский противник отчуждения насмехается над наивными людьми, которые осознают «сущностную мерзость индустриальных обществ», хо-

тя и предлагает «тщательно проанализировать позицию специалистов». Не само существование специалистов, конечно же, а только их «позицию».

На вопрос «Которую часть разделения труда нам следует отбросить?», я думаю, ответ такой: «А которую часть целостности нас самих и нашей планеты мы хотим?»

6. ПРОГРЕСС

Прог-ресс, м. 1. [устар.] Официальная поездка, например, правителя по стране. 2. Историческое развитие в значении совершенствования или улучшения. 3. Ход истории и цивилизации, наподобие фильма ужасов или погони за смертью.

Возможно, ни одна из идей западной цивилизации не была так важна, как идея прогресса. Но так же верно, что, как сказал Роберт Нисбет, «сейчас, в конце XX века, все указывает на то, что вера западного человека в прогресс быстро приходит в упадок на всех уровнях и во всех областях».

В антиавторитарной среде идея прогресса также переживает не лучшие времена. Когда-то идиоты-синдикалисты, так же как и их ближайшие родственники-марксисты, могли более или менее успешно разглагольствовать о том, как маргинальны и ничтожны те, кто не интересуется упорядочиванием собственного отчуждения путем создания союзов, советов и т.п. Вместо прежнего уважения к производительности и производству (столпы прогресса), сейчас к фабрикам все чаще примеряют методики, предложенные луддитами, а понятие антиработы стало кардинальным отправным пунктом радикального диалога. Мы даже видим, как стареющие львы пытаются изменить свою точку зрения: «Индустриальные рабочие мира», смущенные первым словом в собственном названии, возможно, дойдут и до отрицания второго слова (но, конечно же, уже не как организация).

Очевидно, что экологический кризис является первейшим фактором дискредитации прогресса, но то, каким образом прогресс так долго для столь многих оставался объектом веры, по-прежнему удивляет. Ведь что означает прогресс, в конце концов?

Обещанное прогрессом начало воплощаться — по многим направлениям — с самого начала истории. С появлением агрикультуры и цивилизации началось, к примеру, последовательное уничтожение природы. Обширные районы на Ближнем Востоке, в Африке и Греции весьма скоро превратились в необитаемые пустоши.

Что касается насилия, то превращение преимущественно мирных и равноправных собирателей-охотников в жестоких цивилизованных земледельцев произошло чрезвычайно быстро. «Складывается такое впечатление, что месть, междоусобицы, мятежи, войны и сражения возникли в среде одомашненных народов и являлись типичными для них», — писал Питер Уилсон. И насилие, естественно, тоже прогрессировало — мы имеем теперь все: от государственного оружия массового уничтожения до распространившихся в последнее время немотивированных убийств и серийных маньяков.

Болезнь сама по себе — почти целиком следствие цивилизованной жизни; все известные болезни, связанные с вырождением — это часть платы за историческое развитие. Движение от полноты и чувственности доисторической жизни к современному состоянию эндемического нездоровья и массового психического страдания — это и есть прогресс.

Апофеоз прогресса — сегодняшняя Информационная Эпоха, воплощение прогрессирующего разделения труда, от прежних времен, с большими возможностями для непосредственного понимания, через следующую ступень, где знание — всего лишь инструмент репрессивной тотальности, и до нынешней ки-бернетической эры, где все, что осталось, это поток информации. Смысл изгнан прогрессом.

Наука, модель прогресса, заключила природу в тюрьму и подвергла ее допросу, а технология приговорила ее (и человечество) к принудительному труду. От первоначального разделения собственного «я», присущего цивилизации, до декартовского отделения сознания от всех других объектов (включая тело), и до современной бесплодной, высокотехнологической действительности — подобное развитие и в самом деле впечатляет. Двести лет назад английские текстильщики, столкнувшись с индустриальными машинами, плевали в лицо тем, кто их изобрел, и все считали их злодеями — все, кроме оплативших изобретения капиталистов. Конструкторов современного компьютеризированного рабства превозносят как героев культуры — хотя оппозиция также начинает проявлять себя.

Если сопротивление не станет серьезнее, внутренняя логика развития классового общества доведет его до последней и высшей стадии — мира, где жизнь технологизована тотально. То, что общественный прогресс тождественно совпадает с прогрессом техническим, стало совсем очевидным теперь, когда они вот-вот сольются воедино. Вальтер Беньямин выразил это в лирической форме в своей последней и самой лучшей книге под названием «Тезисы философии истории»:

«На картине Клее «Ангелус Новус» изображен ангел, который выглядит так, словно собирается удалиться от того, на что он сосредоточенно смотрит. Пристальный взгляд, открытый рот, расправленные крылья. Именно так видится ангел истории. Его лицо обращено к прошлому. Там, где мы представляем себе цепь событий, он видит одну-единственную катастрофу, которая продолжает громоздить руины на руины, свирепствуя подле его ног. Ангел хочет остаться, воскресить мертвых и восстановить то, что было разрушено. Но шторм движется со стороны Рая; он так сильно треплет его крылья, что ангел не может сложить их. Шторм непреодолимо толкает его в будущее, к которому он повернут спиной, а гора обломков возле него растет к небу. Этот шторм мы называем прогрессом».

7. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ. ИСКУССТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

Ищущие искусственный интеллект, хотя и сбавили темп за последние десять лет, по-прежнему стремятся к этому пока что высшему достижению технологии и науки. Создание искусственного интеллекта обозначило бы качественное изменение деятельности человека, его культуры и самосознания. И что здесь наиболее важно — это насколько это уже произошло.

Десять лет назад Марвин Мински назвал мозг трехфунтовым компьютером, сделанным из мяса, и с того времени подобную точку зрения разделяли многие теоретики искусственного интеллекта, например, Черчилли. Компьютер настолько часто используется в качестве метафоры при описании человеческого разума или мозга, что мы понемногу начинаем воспринимать самих себя как думающие машины. Заметьте, как много технических терминов вошло в обычный лексикон, используемый при обсуждении человеческой психики.

Локомотив массового производства, со всей его линейностью и гомогенизацией, тащит нас вперед в мир машинных моделей, в мир бесчувственного и безликого, оставляя ощущение естественности и целостности позади. По мере продвижения искусственного интеллекта (и робототехники) человек становится несущественным. Бытие человека становится несущественным.

Вычислительная метафора, согласно которой разум является средством обработки информации или манипуляции символами, породила психологию, центральные концепции которой пришли из мира машин. Когнитивная психология, так же как информатика и теория информации, ориентирована на математические методы. На самом деле, теория искусственного интеллекта сейчас слилась с когнитивной психологией и философией мышления. Компьютерное моделирование превалирует не только в академических дисциплинах, но и в общественном словоупотреблении.

В 1981 году Аарон Сломан и Моника Кроучер написали книгу «Почему у роботов будут эмоции», которая вызывает в памяти номер «Психологии сегодня» за декабрь 1983 года, посвященный «Нежной машине» — безоговорочное признание всех обещаний творцов искусственного интеллекта. Возвращаясь к настоящему — в январе 1990 года на страницах журнала «Сайнтифик Америкен» Джон Сирл задается вопросом: «Не является ли разум компьютерной программой?», а Патрисия Смит Черчилль и Пол Черчилль предлагают стандартную формулировку: «Могут ли машины думать?». Мне кажется, что предполагаемые ответы даже менее важны, чем сама возможность поставить такие вопросы.

Тридцать лет назад Адорно уже осознал умаление и деформацию индивидуального под властью высоких технологий и то, как это влияет на критическую мысль. «Компьютер — который интеллект пытается сделать равным себе, и ради чьей вящей

славы с огромным удовольствием желал бы самоустраниться — это подписанное заявление сознания о собственном бан-кротстве». Еще раньше (1950) Алан Тьюринг предсказывал, что к 2000 году «словоупотребление и мнения образованной части общества изменятся настолько сильно, что можно будет говорить о машинном мышлении» без риска противоречия. Совершенно очевидно, что прогноз Тьюринга касался не возможностей машин, но господствующих черт характера человека будущего. Растущее отчуждение влечет за собой полную трансформацию всей анализируемой темы, включая в конечном счете переопределение того, что значит быть человеком. Вполне возможно, что в конце концов компьютерные «эмоции» будут официально признаны и их можно будет спутать с тем, что останется от эмоциональных способностей человека.

Тем временем компьютерные симуляции, сделанные физиком Стивеном Уолфремом, предположительно воспроизводят свободно происходящие физические процессы, из чего выводят сомнительное заключение о том, что сама природа — один большой компьютер. Конкретнее — и страшнее — попытки создать синтетическую жизнь посредством компьютерной имитации, чьи успехи стали главной новостью с второй конференции по вопросам искусственной жизни (Санта-Фе, февраль 1990 года). Понятие о том, что значит быть живым, также подвергается культурному переопределению.

Еще один родственный проект — «Геном Человека», который проводится Национальными институтами здравоохранения; правительство вложило 3 миллиарда долларов в то, чтобы попытаться расшифровать генетическую последовательность из трех миллиардов цифр, отвечающую за развитие человека. Масштабный «Проект Геном» — это еще одно проявление дегуманизирующей парадигмы, окружающей нас со всех сторон: один нобелевский лауреат заявил, что, зная всю последовательность генов, можно будет установить, что такое на самом деле человеческое существо.

К этому кошмарному редукционизму можно еще добавить те вероятные перспективы, которые проект открывает для генной инженерии.

Сочетание компьютеризированной нейробиологии и искусственного интеллекта нацелено на то, чтобы связать искусственное и человеческое на глубоком неврологическом уровне. Подобная тенденция, если ее не остановить, предлагает ни что иное, как превращение человеческого вида в вид киборгов, включая вероятность перманентных изменений в наших генах.

В февральском номере «Форбс» за 1990 год Дэвид Черчбук писал: «Высшая и окончательная компьютерная игра: зачем довольствоваться реальностью, если вы можете жить в мечте, которая безопасней, дешевле и которой легче управлять? В скором будущем компьютеры сделают такой мир возможным». В этом длинном подзаголовке имеется в виду появление «киберпространственных» игр, которые полностью имитируют окружающую среду — гигантский шаг по сравнению с видеоиграми! Показательное свидетельство растущей пассивности и изоляции во все большей степени искусственном и пустом мире. Тот, кто по-прежнему считает, что технология «нейтральна», что она всего лишь «инструмент», существующий вне господствующей системы ценностей и общественной системы, преступно слеп и не видит, как культура, ориентированная на гонку за смертью, стремится к вакууму и пустоте.

8. СООБЩЕСТВО

Со-об-щес-тво, с. 1. Группа людей с одинаковыми интересами. 2. [экол.] Совокупность организмов, имеющих определенные взаимоотношения. 3. Концепция, призванная указать на солидарность; часто применяется, когда основания для общности на самом деле отсутствуют, либо когда фактическое содержание данной общности противоречит заявленным политическим целям солидарности.

Слово «сообщество», под которым, естественно, понимается нечто большее, чем, скажем, группа соседей, представляет собой чрезвычайно сложный для понимания термин, который при этом продолжает оставаться крайне важным для радикалов. К нему обращаются люди самого разного толка — от пацифистов, разбивающих лагерь возле районов испытания ядерного вооружения, и «левых» с их идеологией «службы людям» и подходом жертвенность-плюс-манипуляция до протофашистских поселенцев-африканеров. Термин используется в самых различных целях; но применять его в контексте борьбы за освобождение — иллюзия чистой воды.

Все ощущают отсутствие сообщества — потому что человеческому братству приходится бороться хоть за какое-то существование с тем, чем в действительно-сти является «сообщество». Нуклеарная семья, религия, национальность, работа, школа, собственность, специализация — кажется, любое сообщество, выжившее после введения цивилизации, сводится к какой-то комбинации этих вещей. Тем самым мы имеем дело с иллюзией, и утверждать, что в рамках цивилизации может существовать качественно другой тип сообщества, это значит одобрять цивилизацию. Позитивный подход лишь укрепляет ту ложь, что подлинно общественное может сосуществовать с одомашниванием. В этом смысле единственное, что, как сообщество, сопровождает власть, это, в лучшем случае, мещанский, уважающий систему, протест.

Редакция «пятого сословия», например, подрывает свою собственную (частичную) критику цивилизации, защищая сообщество и связь с ним в каждом втором предложении. Иногда кажется, что корни освободительной солидарности лежат в не-цивилизации и ее противостоянии с «сообществом» индустриальной со-временности, куда лучше это показано не в наших антиавторитарных журналах, а в периодически появляющихся голливудских фильмах (вроде «Изумрудного леса» или «Танцев с волками»).

Жак Каматт занимался анализом движения капитала от стадии формального доминирования до стадии реального доминирования. Но по-видимому, есть веские причины предположить, что поддержка существующего типа сообщества будет и далее угасать и что возникнет стремление к истинной солидарности и свободе. Как писал Фредди Перлман почти в самом конце своей блистательной книги «Против его-истории, против Левиафана!», «мы знаем, что Левиафан — грандиозный вымысел, единственный в его-истории, который смог охватить весь мир, — начал разлагаться...

Для людей сейчас самое время отбросить его здравомыслие, его броню и маски, и лишиться рассудка, так как из стен его прекрасного полиса их уже выгнали».

Отказ от сообщества можно назвать пораженческой изоляцией, но он кажется более предпочтительным, более здоровым, чем заявления о нашей преданности обыденному существованию, подписавшему самому себе смертный приговор. Состояние усилившегося отчуждения — это не доля тех, кто настаивает на примате истинно социального над ложно общественным. Оно присутствует в любом случае, благодаря самому содержанию сообщества. Тот, кто находится в оппозиции к разобщенности цивилизованного и усмиренного существования, может по крайней мере назвать данное состояние «разобщенностью», а не восхвалять его, называя «сообществом».

Защита сообщества — консервативный акт, который уводит нас от необходимого радикального разрыва. Зачем защищать то, что держит нас в заложниках?

По правде говоря, никакого сообщества не существует. И лишь оставив позади все то, что предлагалось нам под этим термином, мы сможем двигаться дальше, к общности и живым взаимоотношениям, в мире, который не имеет ничего общего с миром нынешним. Только «сообщество» отрицания, основанное на недвусмысленном презрении к категориям существующего сообщества, закономерно и соответствует нашим целям.

9. ОБЩЕСТВО

Об-щест-во, с. социум; от socius (лат. товарищ). 1. Образованная совокупность взаимосвязанных индивидуумов и групп. 2. Тотализующее мошенничество, продвигаемое за счет личности, природы и человеческой солидарности.

Сегодняшнее общество во всех странах мира движимо однообразным механическим трудом и потреблением. Человечество впрягли в ярмо, и оно, агонизируя и негодуя, все дальше и дальше удаляется от мира, в котором царило товарищество. Имение большего никогда не сможет компенсировать бытие меньшим, о чем свидетельствует безумное пристрастие к наркотикам, работе, учебе, сексу и т.д. Практически все может подвергнуться злоупотреблению в погоне за удовлетворением, и в обществе, признаком которого является запрет на удовлетворение, на самом деле все так и происходит. Однако подобная чрезмерность, по крайней мере, показывает стремление к исполнению желаний, то есть безмерную неудовлетворенность текущим положением вещей.

Мелкие торговцы предлагают нам все виды уловок, например, панацею нью-эйдж — отвратительного материалистического мистицизма, производимого в массовом масштабе: болезненного, эгоцентричного и не способного, по-видимому, взглянуть ни на один аспект реальности честно и бесстрашно. Для приверженцев нью-эйджа психология заменяет идеологию, а общество не представляет интереса.

Тем временем Буш, глядя на «оцепеневшие поколения людей, с рождения впавших в отчаянье», весьма предсказуемо, но от этого не менее омерзительно обвинил пострадавших же — указав на их «моральную пустоту». Иллюстрацией к глубочайшему обнищанию людей может послужить правительственный опрос старшеклассников, результаты которого были опубликованы 19 сентября 1991 года — оказалось, что за истекший год 27 % опрошенных «всерьез задумывались» о самоубийстве.

Вполне возможно, что социальное, все больше и больше тяготеющее к отчуждению, — массовая депрессия, неприятие грамотности, рост панических расстройств и т.д. — в конце концов выходит на политический уровень. Такие явления, как непрекращающийся спад избирательной активности и глубокое недоверие к правительству, привели к тому, что в июне 1991 года Фонд Кеттеринга пришел к следующему выводу: «Легитимность наших политических институтов куда более сомнительна, чем могут представить себе наши лидеры». А в октябре того же года исследования, проведенные в трех штатах (согласно репортажу корреспондента Томаса Уикера, опубликованному 14 октября 1991 года), выявили «опасного размера пропасть между руководителями и руководимыми».

Стремление к неискалеченной жизни и неискалеченному миру вступает в противоречие с чудовищным фактом: основой прогресса современного общества является ненасытная жажда капитала к росту и экспансии. После крушения государственного капитализма в Восточной Европе и СССР осталась только «по-бедившая» обычная

его разновидность, которая, хотя и господствует, постоянно сталкивается с гораздо более фундаментальными противоречиями, чем те, которые она якобы превозмогла в псевдоборьбе с «социализмом». Конечно же, между советским индустриализмом и какими-либо другими вариантами капитализма не было качественных различий, но, что еще важнее, никакая система производства (в более или менее равных пропорциях, разделение труда, господство над природой, рабский наемный труд) в принципе не может допустить ни человеческого счастья, ни экологической жизнеспособности.

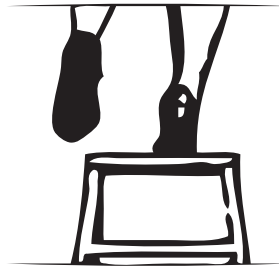
Сейчас мы уже видим, как в будущем будет выглядеть наш мир: токсичная, мертвая пустыня без озонового слоя. Если раньше большинство людей воспринимало прогресс как надежду на избавление, то теперь мы отчетливо понимаем, что технология уничтожит нас. Компьютеризация, со своей замороженной скукой и скрытым ядом, показывает, куда движется общество — умело направленное прочь от чувственного существования, к апофеозу Виртуальной Реальности.

Проблема не в том, что виртуальная реальность предполагает бегство от обычной — кто из нас мог бы выносить реальность, не имея возможности иногда от нее убежать? Кроме того, это даже не отход от сознания — виртуальная реальность сама по себе есть осознание полной потери связи с естественным миром. Она свидетельствует о глубочайшей патологии, напоминающей барочные полотна Рубенса — где рыцари в доспехах соседствуют с голыми женщинами, но при этом отделены от них. Так «альтернативные» техно-наркоманы из журнала «Whole Earth Review», которые первыми начали продвигать идею виртуальной реальности, показывают свое истинное лицо. Культ «инструментов» и тотальное отсутствие интереса к критике социальных тенденций приводят к восхвалению искусственного рая виртуальной реальности.

Господство потребительского вакуума хай-тековских имитаций и манипулирования основано на двух, все более заметных чертах общества — специализации труда и изоляции индивидов. Отсюда вытекает наиболее ужасающий аспект зла: его делают люди, которые сами по себе не особенно злы. Общество, которое ни при каких обстоятельствах не выдержит проверки здравым смыслом, устроено так, чтобы никак не допустить подобной проверки.

Господствующие репрессивные идеи вовсе не пронизывают все общество целиком; своим успехом они скорее обязаны раздробленному характеру оппозиции. А тем временем больше всего общество страшится той лжи, которая, как оно само догадывается, составляет его основу. Страшиться, обманывать себя — это, естественно, не то же самое, что начать подчинять омертвляющую власть обстоятельств власти событий. В 60-х годах Адорно отмечал, что общество все интенсивнее привлекает человека в ловушку и калечит его. Он предсказал, что со временем все разговоры о причинных связях внутри общества окажутся бессмысленными — общество само является причиной. Битва за общество — если это все еще можно так назвать — которое было бы дружелюбным, частью и порождением мира природы, должна основываться на восприятии нынешнего общества как монолитного, всеохватывающего движения к смерти.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Джон Зерзан
Словарь нигилиста
1994

Сохранено 8 мая 2012 года из primitiv.anho.org
Опубликовано в сборнике «Первобытный человек будущего», М., Гилея — 2007

ru.theanarchistlibrary.org